

Глава 6

Чу Чжаохуай никак не мог до конца разгадать нрав Цзи Сюня, а потому, долго колеблясь, всё же решился на тягостную для себя жертву:

— Прошу Ванье сменить гнев на милость, я лишь сболтнул лишнего в порыве чувств... Раз уж так, то не сочтите за труд, распорядитесь отправить эти дары в сокровищницу усадьбы.

Произнося эти слова, юноша чувствовал, как его сердце буквально обливается кровью.

Этот год явно был для него несчастливым: сначала приданое из ста двадцати сундуков оказалось наполовину фальшивым, теперь и подарки тетушки приходилось отдавать в чужие руки. В народе говорят: «потеряешь богатство — отведешь беду». Но если он лишился стольких сокровищ, то какая же катастрофа должна была обрушиться на его голову изначально?

Пока он предавался унынию, до его слуха долетел приглушенный смешок.

Чжаохуай растерянно вскинул голову.

Цзи Сюнь всё так же сидел в кресле, закинув свою больную ногу на ногу. Широкий рукав, расшитый золотыми нитями, сполз к локтю, обнажая бледную кожу; кончиками пальцев князь неспешно перекачивал крупную фиолетовую жемчужину, словно оценивая её чистоту. Над супругом он, казалось, и не думал смеяться.

Юноша отвел взгляд и невольно коснулся щеки.

«Неужто слышалось?»

Цзи Сюнь бросил жемчужину обратно на поднос:

— Раз это подношение от благородной наложницы, Ванфэй будет уместнее оставить его при себе.

Глаза Чжаохуая мгновенно вспыхнули, и на душе у него в одночасье наступила весна. Тщетно пытаясь сдержать улыбку, он проговорил с напускным достоинством:

— Раз Ванье так считает, я не стану более препираться.

Князь, подперев голову ладонью, с легкой усмешкой наблюдал за ним. Казалось, вид Ванфэй, у которого при виде денег глаза превращались в медные монеты, забавлял его. Однако, приглядевшись внимательнее, Цзи Сюнь спросил:

— Что с лицом Ванфэй?

Чжаохуай, еще пребывавший в эйфории от обретенного богатства, в недоумении коснулся щеки. Еще с самого утра он чувствовал легкий зуд, но списывал это на непривычку к густым белилам. Теперь же, после вопроса супруга, он ощутил тупую пульсацию: щека, кажется, начала опухать.

Сердце у него пропустило удар. До визита к родителям оставалось всего два дня — нельзя было допустить разоблачения сейчас.

— Вероятно... белила были на лице слишком долго, вот и пошла сыпь. Скоро всё смою, ничего серьезного.

Цзи Сюнь усмехнулся и, к удивлению юноши, не стал расспрашивать дальше:

— Вот оно что.

Чу Чжаохуай украдкой выдохнул.

В это время в зал одна за другой начали входить служанки, накрывая на стол к завтраку. Прошлой ночью в покои приносили лишь холодную еду — в такой мороз даже самые изысканные блюда превращались в застывшее месиво, не вызывавшее ни капли аппетита. Ванфэй уже приготовился жевать ледяную корку, сдобренную маслом, но, сев за стол, замер от удивления.

От блюд поднимался густой пар, а аппетитный аромат щекотал ноздри — добрая половина яств была горячей.

Чжаохуай окончательно растерянно замер.

«Разве не поговаривали, что в усадьбе Цзин-вана испокон веков едят только холодное? Неужто Ванье... решил сделать исключение ради меня?»

Впрочем, самокритичность быстро взяла верх. Тряхнув головой, он отогнал столь самонадеянные мысли и, сохраняя бесстрастное лицо, взялся за палочки. Однако во время еды Чжаохуай всё же не удержался от наблюдений.

Цзи Сюнь, еще не оправившийся от недуга, почти не притронулся к пище. Он то отпивал холодное вино, то выбирал что-то из остывших закусок, совершенно игнорируя дымящуюся кашу и горячие супы.

Выходило, что горячее и впрямь приготовили специально для Ванфэй.

Сделав глоток каши, Чжаохуай погрузился в раздумья. Слухи твердили, что Цзи Сюнь невыносим, нрав у него переменчив, а рука легка на расправу. Но если вспомнить прошлую

ночь... Да, сцена с посохом была ужасающей, однако тогда на кону стояли их жизни. Не убей князь тех убийц, они бы уже вместе отправились в загробный мир.

Получается, Цзи Сюнь спас его.

Чжаохуай снова бросил на него быстрый взгляд. Князь лениво потягивал вино, опустив глаза к лежащим на коленях свиткам. В туманной дымке от горячих блюд его резкие черты лица смягчились, и сейчас он больше напоминал благородного господина из книг — начитанного, утонченного и величавого.

Ни безумия, ни жажды крови.

Напряжение, сковывавшее юношу всё это время, начало понемногу отступать. Если не считать того случая с посохом в брачную ночь, Цзи Сюнь казался лишь человеком с острым языком и странной любовью к запугиванию. В остальном же он был совсем не так страшен, как малевала его молва.

В голове у Чжаохуая зародилась догадка. Скорее всего, слухи о кровожадности князя распускали его недруги в столице, желая втоптать в грязь доброе имя бога войны. Люди в этом городе и впрямь были гнилы душой.

Вспомнив, как когда-то Чу Чжаоцзян оболгал его, и никто не захотел слушать оправданий, Чжаохуай почувствовал к князю нечто вроде сочувствия.

Заметив, что Цзи Сюнь лишь пьет вино и почти не ест, Чжаохуай, набравшись храбрости, решил прощупать почву. Взяв чистые палочки, он подхватил кусочек нежной рыбы и положил в чашу перед князем:

— Ванъе, попробуйте это.

Рука Цзи Сюня замерла.

Стоявший за спиной Инь Чжуншань мгновенно подобрался, его ладонь легла на рукоять меча, а в воздухе разлилась почти осязаемая жажда крови.

В зале воцарилась мертвая, зловещая тишина.

Чу Чжаохуай, не заметив перемены атмосферы, лишь поморщился про себя: рыба показалась ему пересоленной. Вкусы Линьаня — рыба под кислым уксусом — были ему куда больше по душе.

Цзи Сюнь пристально смотрел на Чжаохуая. Его зрачки то сужались, то расширялись, выдавая в нем хищника, выжидающего момент для броска. Но лицо осталось спокойным, и он даже

почти мягко улыбнулся:

— Хорошо.

С этими словами он взял палочки и съел предложенный кусок.

Инь Чжуншань беззвучно выдохнул, чувствуя, что мир вокруг сошел с ума. Взял... и съел?

Цзин-вану шел двадцать шестой год, и за это время многие при дворе пытались подослать к нему красавиц или изнеженных юношей, чтобы выведать секреты. Однажды одна дерзкая девица даже осмелилась занять место служанки, чтобы подать князю еду. Той ночью усадьба утонула в крови, а головы заговорщиков в сундуках доставили прямиком в дома их хозяев. Императору пришлось лишить брата жалованья на полгода, лишь бы унять шквал гневных прошений. С тех пор любого, кого пытались навязать в дом князя, возвращали отправителям в виде обезглавленных тел.

Командующий Инь невольно вздрогнул и бросил на Чжаохуая загадочный взгляд. Этот малый непрост — видать, есть в нем что-то особенное.

А «непростой» Чу Чжаохуай в это время продолжал тосковать по укусной рыбе. Видя, что Цзи Сюнь не отверг его заботу и даже улыбнулся, он окончательно утвердился в мысли: слухи — ложь.

Завтрак прошел мирно. По крайней мере, для Чжаохуая — Инь Чжуншань же чувствовал себя так, словно пережил сокрушительный шторм, и его рука на рукояти меча так и не расслабилась до самого конца.

Закончив трапезу, Чжаохуай чинно откланялся и под предлогом умывания поспешил в свою спальню. Стоило ему взглянуть в зеркало, как он невольно отпрянул.

Белила были на лице слишком долго. На бледной коже, и без того всегда казавшейся болезненной, проступила яркая сыпь, расплываясь до самой шеи. Вид был такой, будто его разбил тяжелый недуг.

С трудом удерживаясь, чтобы не расчесать зудящую кожу, Чжаохуай проверил собственный пульс.

«Что ж, по крайней мере, это не аллергия на пудру. Это просто яд»

Юноша даже немного успокоился. Семья Бай из Линьяня была древним кланом лекарей, и одних только дядьев у Чжаохуая было пятеро. Он вырос под крылом деда, и хотя в его жилах текла та же кровь, он всегда оставался в чужом доме на птичьих правах. Чу Цзин годами не вспоминал о нем, а в семье Бай четыре ветви из пяти только и думали, как бы не дать ему претендовать на наследство. Вся их жизнь состояла из интриг, и болезни или отравления были

для него делом привычным. К такому привыкаешь быстро.

Найдя в своем узелке нужную пилюлю, Чжаохуай разжевал её и проглотил. Но в голове всё равно крутились сомнения: с чего бы ему травиться среди бела дня? Неужто то вчерашнее ядовитое благовоние оставило след?

Когда зуд немного утих, Чжаохуай достал из сундука черную шелковую вуаль — ту самую, что лекари надевают в путь, чтобы защититься от пыли. Плотная темная ткань скрывала всё лицо до самого подбородка, оставляя лишь прорези для глаз, что было весьма удобно. Лицо за день не заживет, так что вуаль станет отличным предлогом.

Едва он завязал шнурки, как за дверью раздался голос:

— Ванфэй.

Вошел управляющий усадьбы — человек в годах, с добрым, спокойным лицом. В руках он держал расшитый золотом список даров. Собравшись было заговорить, он осекся, увидев маску на лице хозяина.

— Ванфэй, что это?..

— Ничего особенного, — отозвался Чжаохуай. Сквозь полупрозрачную ткань можно было разглядеть лишь контуры его шеи. — Что случилось?

Управляющий отвел взгляд:

— Это список даров для визита в ваш отчий дом. Пожалуйста, ознакомьтесь.

Чжаохуай взял свиток и, едва пробежав глазами по бесконечным рядам иероглифов, вспомнил свои полупустые сундуки с приданым. Кровь мгновенно бросилась ему в голову.

«Усадьба Цзин-вана что, печатает деньги на заднем дворе? Неужто для простого визита к родне нужно столько богатств? Разве можно так бездумно разбрасываться средствами? Расточитель!»

— А Ванье уже видел этот список? — осторожно поинтересовался он.

— Нет, Ванье уехал по делам сразу после завтрака.

— Тогда подождем его возвращения, пусть он сам решает, — Чжаохуай свернул свиток, возвращая проблему управляющему.

О вражде Цзи Сюня и Чу Цзина знали все, а уж после того, как князю навязали «супруга-мужчину», хорошим подарком в доме маркиза сочли бы и корзину ядовитых насмешек.

Управляющий замялся, но, видя, что Ванфэй не намерен брать на себя ответственность, молча удалился.

Опасаясь, что вернувшийся Цзи Сюнь внезапно вспомнит о «супружеском долге», Чжаохуай провел два дня в полной боевой готовности. Однако князь в усадьбе так и не появился.

Когда настал день визита, юноша проснулся, когда солнце уже стояло высоко. То ли сказались последствия пережитого потрясения, то ли действие лекарств, но он чувствовал во всем теле свинцовую тяжесть. Проспав добрых восемь часов, он сидел на постели, тупо глядя перед собой.

В дверь постучали:

— Ванфэй, вы проснулись?

Чжаохуай зевнул, едва разлепляя веки, и машинально отозвался:

— Проснулся, уже обуваюсь.

— Ванъе велел передать: час пробил.

— Хорошо, хорошо...

Сонное оцепенение мгновенно слетело. Он подскочил на кровати как ошпаренный. Визит к родителям!

Управляющий за дверью почтительно добавил:

— Ванъе проявил заботу и сказал, что Ванфэй может еще немного вздремнуть. Он подождет в карете... ну, хотя бы полдня.

Чу Чжаохуай: «...»

«Цзи Сюнь ждет меня? Это же конец!»

Он буквально скатился с кровати, наспех умылся и оделся, и меньше чем через четверть часа уже пулей вылетел за ворота усадьбы. Но, не успев даже отдышаться, замер от увиденного.

Чжаохуай видел, как его кузины возвращались в отчий дом после замужества, и знал, что для знатных семей это всегда пышное зрелище с музыкой и толпами зевак. Но то, что развернулось перед ним сейчас, не шло ни в какое сравнение.

Гвардейцы Цзин-вана были закаленными воинами, прошедшими сквозь пламя битв. В легких доспехах, с длинными мечами на поясах, они заполнили всю широкую улицу, выстроившись в безупречном порядке. От этого строя веяло не праздником, а угрозой. Казалось, они собрались не в гости к тестю, а в карательный поход.

В центре этого строя возвышалась огромная карета, подобающая принцу крови. В этот морозный день её бока были закрыты тяжелыми занавесями с вышитыми драконами, а украшения на ней стоили столько, что Чжаохуай не смог бы их купить, даже если бы продал себя в рабство десять раз. Впервые он воочию увидел, что значит истинное величие и бездонное богатство императорского рода.

Инь Чжуншань, стоявший у кареты, приветственно кивнул.

Чжаохуай кашлянул и с трудом заставил себя отвести взгляд от золотых подвесок на упряжи. Собираясь подняться по подножке, он заметил, как стражники грузят в повозку три огромных сундука. Он нахмурился.

Из кареты донесся ленивый голос Цзи Сюня, в котором сквозила его фирменная утонченная язвительность:

— Может, Ванфэй желает сначала пообедать, а потом уже ехать? У меня, конечно, дел невпроворот, но подождать еще немного — невелика беда.

Чжаохуай поспешно юркнул внутрь.

Он думал, что роскошь кареты снаружи — это предел, но внутри его ждало настоящее потрясение. Просторное помещение размером в полспальни сияло золотом, серебром и нефритом. Юноша на несколько мгновений просто лишился дара речи.

Цзи Сюнь в простом черном одеянии сидел, прислонившись к спинке и закрыв глаза. Свет, пробивавшийся сквозь занавеси, ложился на его бледное лицо, смягчая черты.

— Ванье, простите, что заставил ждать, — неловко пробормотал Чжаохуай.

Цзи Сюнь даже не открыл глаз:

— Лицо Ванфэй еще не зажило?

Юноша уселся как можно дальше от него, поглубже заправив край черного шелка за воротник:

— Та сыпь еще не прошла. Не обращайтесь внимания.

Князь лишь коротко хмыкнул, так и не проявив к лицу «супруга» ни капли интереса. Чжаохуай облегченно выдохнул.

Снаружи продолжали грузить подарки. Чжаохуай приоткрыл занавеску и, глядя на сундуки, нахмурился еще сильнее. То ли привычка взяла верх, то ли за эти два дня страх перед князем поутих, но он решился спросить:

— Ванье, те сундуки позади... это дары для моих родных?

Цзи Сюнь открыл глаза. Свет упал на его правый зрачок, сделав взгляд темным и глубоким. Он улыбнулся, и голос его прозвучал почти нежно:

— Разве Ванфэй не сокрушался, что список управляющего слишком скромно? Я решил лично подготовить достойные подношения. Тесть наверняка останется доволен.

Чу Чжаохуай: «...»

Сердце Чжаохуая, ненавидевшего расточительство, едва не выпрыгнуло из груди. Кто там говорил про «бешеного пса»? Перед ним сидел форменный простофиля с полными карманами денег, который сам жаждет их раздать.

Три огромных сундука... По самым скромным подсчетам, там было добра на десять тысяч лянов. Какая потеря!

Юноша, обиженный такой несправедливостью, забился в угол кареты и затих.

«Ладно, в конце концов, это не мои деньги»

Карета медленно тронулась с места. Гвардейцы ровным строем направились к усадьбе маркиза Чжэньюань. Три сундука с дарами мерно покачивались в такт движению, и вдруг из узкой щели одного из них начала медленно сочиться густая, иссиня-черная кровь. Она капала на мостовую и мгновенно исчезала в пыли.

<http://bllate.org/book/15341/1372769>